

КОНЕЦ ДОЦИФРОВОЙ ЭПОХИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Аннотация. Бурное развитие информационно-коммуникационных технологий, усиленное охватившей весь мир пандемией и запросами современного общества, подтолкнуло к переходу на дистанционные цифровые технологии, практика реализации которых опережает их регулирование. Отсутствие понятийного аппарата, исчерпывающего пакета нормативно-правовых актов, регламентирующего цифровизацию общественно-значимых процедур (в первую очередь, в электоральной сфере), включая международный уровень, становятся тормозом развития политических процессов. Автор уверен, что доцифровая эпоха политических процессов завершается и обязанность законодателей и профильных международных организаций — включиться в выработку правил политической жизни общества в цифровой среде, обеспечить не только сохранность полного объема прав и свобод граждан, но и безопасность новых технологий.

Ключевые слова: цифровая демократия, выборы, цифровые политические процессы, электронное голосование, электронные выборы, электронная демократия, автоматизация электоральных процедур, воспроизводство власти, политические процессы.

THE END OF THE PRE-DIGITAL ERA OF POLITICAL PROCESSES

Abstract. The rapid development of information and communication technologies, amplified by the pandemic that has pervaded the whole world as well as by demands of modern society, prompted a transition to remote digital technologies. Nevertheless, implementation of remote digital technologies outstrips their regulation. The lack of a conceptual framework, an exhaustive package of normative legal acts regulating the digitalization of socially significant procedures (primarily in the electoral sphere), including the international level, is becoming a development brake of political processes. The author is sure that the pre-digital era of political processes is coming to an end and the duty of legislators and relevant international organizations is to get involved in the development of rules for political life of society in the digital environment, ensuring not only the preservation of full scope of rights and freedoms of citizens, but also the safety of new technologies.

БОРИСОВ Игорь Борисович — кандидат юридических наук, председатель Совета Российского Общественного института избирательного права (РОИИП), член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва

Сведения о поддержке. Статья подготовлена при поддержке финансируемого РФФИ научного проекта № 20-011-31624 «Трансформация общественно-политических отношений и публично-властной коммуникации в политическом процессе современной России под воздействием внедрения сквозных цифровых технологий: формы, технологии, акторы и цифровые актанты».

Keywords: *digital democracy, elections, digital political processes, e-voting, e-elections, e-democracy, automation of electoral procedures, reproduction of power, political processes.*

Одним из главных итогов пандемии 2020 года стало сверхактивное внедрение цифровых технологий во все сферы жизни. Кризис, обусловленный пандемией, стимулировал мобилизацию общества на поиск новых моделей не только управления, но и поведения, основанного на цифровых технологиях, самого социума [1]. Опираясь всё большими массивами данных, цифровые технологии способствуют процессу перераспределения центров влияния, коммуникаций и принятия решений.

Фактически происходящее соединение реального и цифрового миров начали менять общественно-политическую сферу и экономику всех стран.

В ближайшем будущем, несомненно, процесс цифровизации в сочетании с задействованием искусственного интеллекта, технологий анализа больших данных оптимизирует развитие нашего социума в различных сферах. А система социального контроля во взаимодействии с технологией «социального кредита» обеспечат мощный прорыв [2, с. 18].

Сегодня любой гражданин без труда может узнать свежие новости, получить доступ к документам в электронном формате, а также воспользоваться электронными услугами всех ведомств и подразделений разного уровня. Современные технологии стали доступны для любой категории граждан.

Демократическая форма организации нашего общества позволяет реализовывать свои права и свободы посредством разных инструментов и институтов, а электронная демократия¹ намного упрощает этот процесс [3].

Пандемия, придавшая мощный стимул цифровизации, еще больше выпятила значимость коммуникационной сферы. Мир в период карантинов и локдаунов физически распался на фрагменты, но остался информационно целостным [4]. Целостность стала еще более прочной и глобальной, но предпринимает попытки выхода из-под правового регулирования, основанного на законе.

Глобальное переформатирование общества уже началось. Аналитические центры обращают внимание на усиление цифрового авторитаризма. Цифровые компании используют методы цензуры, подавления через страх и наказания в виде блокирования доступа к информации через интернет-отключения и брандмауэры, а также скидки и штрафы в цифровых платформах, предоставляющих доступ к услугам и платежам [5]. В этом отношении не составляет исключение и сфера общественных политических процессов, которая постепенно, но уверенно погружается в цифровые технологии гло-

¹ Под электронной демократией (e-democracy) принято понимать одну из форм, которая характеризуется использованием информационно-коммуникационных технологий в качестве основного средства для коллективных, когнитивных и административных процессов (информирования, принятия совместных решений — электронное голосование, контролирование исполнения решений и проч.) на всех уровнях, начиная с уровня местного самоуправления и заканчивая международным.

бальной информационно-коммуникационной среды сети Интернет. Помимо увеличения скорости и объема информации, получаемой фактически каждым заинтересованным субъектом общественных правоотношений, цифровые технологии проникают непосредственно и в политические процессы, начиная от проведения публичных мероприятий в дистанционном режиме (совещания, собрания, конференции, съезды и даже митинги), заканчивая всеобщим голосованием без использования традиционных избирательных участков и бумажных бюллетеней.

Высокие технологии, в том числе информационные и телекоммуникационные, уже стали локомотивом социально-экономического развития многих стран мира, а обеспечение гарантированного свободного доступа граждан к информации — одной из важнейших задач каждого государства [6]. Цифровые технологии активно проникают в традиционные процедуры, в новые сферы жизнедеятельности, меняя их возможности и расширяя горизонты использования [7, с. 52].

Обрушившаяся на все страны мира пандемия предоставила практически неограниченную возможность установления национальных технологических стандартов регулирования в новых условиях, что стало влиять на мировую информационную сферу и стимулировать выработку международных цивилизованных правил «цифровизации».

Политико-электоральные процессы, ввиду вовлеченности в них всего спектра партийных и политических сил — профильных институтов гражданского общества и правозащитников — находятся в авангарде правовой цифровизации, нацеленной на четкое и однозначное регулирование новых условий и правил общественных правоотношений в цифровой среде.

Под правовой цифровизацией для целей настоящей работы мы будем понимать состояние общественных отношений в цифровой среде, при котором обеспечивается соблюдение закона и иных правовых норм и правовых обычаев, связанных с организацией и поведением участников цифровых отношений².

Несомненно, что цифровизация политических процессов упрощает определенные процедуры. Преимущества использования цифровых технологий, связанных с участием населения в делах управления государством, бесспорны. Это — широкие возможности участия населения в различных управленческих процессах; максимальная вовлеченность граждан; простота участия; подотчетность; гибкость; доступность; всеохватность; облегченный доступ к процессу избирателей-инвалидов; простота реализации; скорость в принятии решений и подведении итогов, снижение затрат, минимизация влияния «человеческого фактора», а также некоторые другие, которые еще себя не проявили так явно [8, с. 9].

² Развитие цифровизации в других сферах общественных отношений может идти и более опережающими темпами, но в авангарде именно правовой цифровизации, на наш взгляд, находятся электоральные процессы.

Однако цифровизации присущи и определенные риски, которые нельзя игнорировать, особенно — в сфере политических отношений. Необходимо исследовать, анализировать и принимать меры по их минимизации или полного устранения.

Например, в нашем случае, это риски, связанные с особенностью распространения информации через Интернет и хранением данных, возможность несанкционированного вмешательства, проблемы «цифрового неравенства» и тому подобное. Все эти вопросы технически решаемы, но есть ряд проблем, которые требуют осмысления и выработки коллегиального решения всеми заинтересованными участниками процесса глобальной цифровизации.

Еще в 1990-е годы Интернет рассматривался как проблема для государственного суверенитета (по крайней мере, в том смысле, в каком он существует после Вестфальского мира)³. Речь идет о трансграничности и глобальности Интернета, что лежит вне юрисдикции государства [9], но при этом должно соотноситься с правовыми основами государственности и принципами построения современного социума.

Риском для суверенных государств является возможность интернета быть орудием внешних сил на внутривнутриполитическом пространстве, что необходимо учитывать при дальнейшей цифровизации политических процедур.

Уже сегодня, решая задачи цифровизации, необходимо задумываться над возможностью цивилизованного регулирования тех отношений, которые происходят во «всемирной паутине» за пределами национальной юрисдикции, но влияют на внутренние дела государства.

Необходимо правовое обеспечение форм реализации цифровой демократии — подготовка соответствующих законов, нормативных актов, выработка понятий, которые позволят обозначить и реализовать власть государства над процессами, происходящими де-факто на его территории, и тем, что находится за его пределами. Одновременно должна вестись работа по принятию международных актов, направленных на регулирование цифровых процессов, находящихся за пределами юрисдикции суверенных государств. Правовая наука не остается в стороне от анализа и осмысления происходящей цифровизации электоральных процессов [10, с. 218; 11, с. 44–58; 12; 13; 14], но еще не выработала универсальных рецептов регламентации цифровизации в политике. Ряд ученых с осторожностью относятся к прямому участию населения во всех вопросах, требующих политического решения [15; 16; 17].

Б.С. Эбзеев, рассуждая о прямом участии населения в управленческих вопросах, очень точно заметил, что «провозглашая референдум и свободные выборы высшим непосредственным выражением власти народа и гарантируя в ст. 32 (ч. 2) право граждан Российской Федерации на участие в свободных выборах и референдуме, Конституция Российской Федерации

³ Здесь рассматривается суверенитет не как изоляционизм и отрешенность от глобальных процессов, а как автономия, которая ищется и формируется государством в интересах развития и сохранения нации и народов.

исходит из того, что названные высшие формы непосредственной демократии, имея каждая собственное предназначение в процессе осуществления народовластия, равноценны и, будучи взаимосвязаны, дополняют друг друга... референдум не может использоваться как институт, подменяющий иные институты непосредственной демократии, с одной стороны, либо как противовес институтам представительной демократии, в том числе в нарушение исключительных прерогатив Федерального Собрания или других федеральных органов государственной власти, которые должны осуществляться в иных конституционно установленных формах законотворчества как способа принятия государственных решений, — с другой. Тем самым определены конституционные границы «самодержавия народного суверенитета», которые очерчиваются исключительными полномочиями парламента, главы государства, органов судебной власти и т.д.» [18, с. 190–191].

При этом нельзя забывать, что Интернет рассматривается не только как сложная технология, но и как часть неотъемлемых прав человека⁴. В частности, уже сегодня правозащитники озабочены утечкой персональных данных, хранящихся в цифровом виде. И это особенно актуально в сфере, охватывающей электоральные и политические процессы.

Жизнь социума подталкивает нас к научным исследованиям сущности, форм и динамики развития общественно-политической организации под воздействием цифровых технологий. Необходимо выявить специфику, причинно-следственные взаимосвязи и системные эффекты внедрения цифровизации в электоральные процедуры и в публично-властную коммуникацию в целом.

В современной научной литературе уже сегодня говорят о создании «электронного государства», как ответ на вызовы новой цифровой реальности [19, с. 191–194; 20, с. 19–22].

Происходящие процессы цифровизации фундаментальным образом меняют многие механизмы публично-властной коммуникации, включая как правотворчество, так и правоприменение [21, с. 44–58].

Процессы цифровизации в праве не просто влияют на форму взаимодействия власти и общества — они меняют саму суть политико-правовых явлений. Становится проще взаимодействие различных акторов политического общения, доступнее становится механизм принятия политико-правовых решений, участия граждан в управлении делами государства, за счет чего происходит демократизация этого процесса. Всё это в конечном итоге приводит к становлению в России электронной демократии [22, с. 40–44; 23, с. 42–46; 24, с. 10–14; 25, с. 150–157].

⁴ Связь интернета и прав человека — не риторическая фигура, о чем свидетельствует деятельность Internet Research Task Force. Один из их отделов пытается понять, как в сами интернет-протоколы могут быть «вшиты» права человека, например, право на свободу самовыражения — Human Rights Protocol Considerations Research Group HRPC (www.irtf.org/hrpc).

Модель регулирования Интернета, опираясь на его существенные показатели (глобальность и трансграничность), предполагает, что его базовыми регуляторами, помимо государства, являются бизнес и гражданское общество. Зачастую в процессе регулирования Интернета появляются новые акторы — СМИ, отдельные национальные группы, государственные корпорации и другие структуры, которые мы не должны отвергать, но обязаны предусмотреть им соответствующее положение в системе правовых отношений в цифровой среде.

Современная реальность такова, что в нашем обществе под влиянием глубоких изменений в моделях социальной организации и сотрудничества произошла замена централизованных иерархических структур гибкими сетевыми типами организации, повышением роли самоорганизации граждан для решения конкретной проблемы, ростом авторитета личности. Информация и знания в современном обществе не только стали важным фактором производства, движущей силой экономики, но и приобрели иное социально-политическое значение. В информационном обществе социальные успехи государства все больше зависят от наличия и эффективности национальной, региональной и местной системы инноваций [26, с. 31–35].

В контексте наших размышлений об установлении нового баланса сил и устойчивого развития общества задачей номер один представляется определение позиций, выработка дорожных карт, направлений развития нации при одновременной минимизации рисков.

Пандемия не только углубила и ускорила общие тенденции, наметившиеся до ее начала, — в скором времени она может привести к изменению политической инфраструктуры организации всего социума.

Сбор и использование персональных и коллективных цифровых данных стали привычным делом за рамками четкого регулирования процесса цифровизации. Однако государственные функции зачастую присваивают цифровые платформы, что было достаточно ярко продемонстрировано после выборов президента США, состоявшихся 3 ноября 2020 года.

Ни одно государство, учитывая отсутствие национальной юрисдикции Интернета, не способно в одиночку регулировать поведение цифровых платформ. Сверхбыстрое распространения информационных и коммуникационных технологий, которые отныне пронизывают все сферы человеческой деятельности, характеризует усугубление взаимной зависимости стран и требует постоянной работы в этом направлении.

Между тем цифровые платформы являются одним из элементов суверенного государства. Необходимо определить концепцию их правового регулирования. Так, например, в США такие платформы пользуются значительной автономией по отношению к федеральной власти, но входят в состав формируемого военно-цифрового комплекса. В Китае они полностью контролируются государством.

В сегодняшней глобализованной информационной среде избиратели как никогда уязвимы для внешнего влияния, которое происходит со скоростью и в масштабах, невообразимых еще десять лет назад. Опасность политического влияния особенно остро ощущается во время выборов.

Ранее вмешательство в выборы требовало физических усилий. Государственные законы защищали от нелегальной избирательной деятельности, были отдельно прописанные положения о том, как обрабатываются бюллетени, какая деятельность разрешена вблизи избирательных участков, а какая нет. Теперь можно воздействовать на избирателей, агитировать и манипулировать ими не пересекая границ и не выходя из своего офиса в любое время и в любом месте [27].

COVID-19 знаменует конец доцифровой эпохи политических процессов. Можно прогнозировать широкие перспективы дальнейшего развития элементов цифровой демократии с усилением внедрения информационно-коммуникационных технологий в политический процесс.

Процедуры голосования на выборах никогда не являлись неизменными и фиксированными. Вся история развития демократии свидетельствует о постоянной их эволюции под воздействием ряда объективных и субъективных факторов, начиная от развития общества, индустрии, общественных отношений, заканчивая текущими потребностями общества и даже политической мотивацией.

Так, первым техническим средством для автоматизации подсчета голосов считается разработанная Томасом Эдисоном электрическая машина для голосования, представленная в Конгрессе США в 1869 году. Медленная скорость устного поименного голосования в Конгрессе и других законодательных органах позволяла его членам затягивать принятие решений или убеждать за это время других членов голосовать по-другому. Поэтому была предпринята попытка автоматизировать процесс с целью ускорения голосования.

Первые перфокарты (перфорированные носители информации) появились для автоматизации подсчета голосов на выборах в США в начале 60-х годов прошлого столетия. Примерно в это же время возник термин «электронное голосование» (electronic(al) voting — e-voting). Новое понятие подразумевало, что волеизъявление голосующих выражается с помощью электронных средств, а новая система может использовать электронные средства для подачи и подсчета голосов [28, с. 28–32].

Последние годы XIX века ознаменовались бурным развитием инновационных технологий и автоматизации процедур выборов, а начало XX века — их «цифровизацией», обусловленной, прежде всего, глобальными преобразованиями в жизни социума посредством развития информационно-коммуникационных сред. «Цифровизация» в данном случае выступает как современный этап автоматизации, идущий следом за компьютеризацией.

Интернет за короткий исторический период охватил не только большую часть населения планеты, но и подчинил себе прогрессивно развивающийся бизнес и всю современную систему управления, создав электронные правительства.

В научной литературе появилось понятие «электронная демократия», которая, на наш взгляд, является одной из важнейших форм современной реализации, конкретизации и дальнейшего развития принципов народовластия. Это понятие нашло свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», но не получило своего полного раскрытия в сфере электоральных процедур.

По мнению Совета Европы, электронная демократия определяется как использование информационно-коммуникационных технологий в «демократических секторах» — в рамках политических процессов местных сообществ, регионов, государств и народов.

Большинство терминов, связанных с электронной демократией и электронным голосованием вошли в употребление в конце XX века в странах, где особое внимание уделялось развитию информационно-коммуникационных технологий, в том числе развитию сети Интернет [26, с. 31–35]. Современные исследователи склоняются к тому, что неотъемлемой составляющей электронной демократии является электронное голосование.

Стремительное развитие новых технологий порождает значительное количество новых понятий и терминов. Проведенный анализ встречающихся и продвигаемых разными исследователями понятий, связанных с электронной демократией и электронным голосованием, показывает значительное терминологическое разнообразие, описывающее концептуально и сущностно сходные явления, механизмы и процессы.

Данная тема — необходимость четкого правового регулирования цифровизации политических процессов — приобретает особую актуальность в связи с проведением успешных экспериментов по дистанционному электронному голосованию в Российской Федерации.

Дистанционное электронное голосование (ДЭГ) впервые было проведено в единый день голосования 8 сентября 2019 года на выборах депутатов в Московскую городскую Думу VII созыва. Итоги эксперимента удовлетворили не только организаторов выборов, но и избирателей, которые увидели в электронном голосовании ряд неоспоримых преимуществ — удобство, простота, экономия времени. На общероссийском голосовании по вопросу одобрения поправок в Конституцию Российской Федерации 1 июля 2020 года в Москве и в Нижегородской области избиратели могли проголосовать дистанционно при помощи Интернета. В единый день голосования 13 сентября 2020 года ДЭГ применялось на довыборах депутатов Государственной Думы VII созыва по одномандатным избирательным округам в Курской и Ярославской

областях, а также на дополнительных выборах депутатов муниципальных округов Бабушкинский и Марьино в городе Москве.

Масштабы изменений, которые претерпели за последние полтора десятилетия как законодательство, так и практика в данной сфере, впечатляют, и сопоставимы, пожалуй, только с формированием электронного правосудия [29].

Прошедшие эксперименты показали, что дистанционное электронное голосование сталкивается с вызовами (например, попытки вмешательства в выборы) и некоторыми проблемами (например, организация наблюдения), требующими соответствующих решений, в том числе на теоретическом уровне.

В настоящее время несколько десятков государств применяют у себя на выборах систему электронного голосования, в том числе дистанционного с использованием информационно-коммуникационной сети Интернет. Но ни одно государство еще не достигло необходимого уровня развития электронного голосования, которое можно было бы признать эталонным.

Отсутствие четких критериев и норм проведения «цифровых» электоральных процедур на международном уровне, с одной стороны, дает широкую свободу правоусмотрения национальным законодателям и позволяет создавать разнообразные модели организации национальных выборов [30, с. 20], с другой — становятся тормозом развития цифровых технологий. Так, например, при дистанционном электронном голосовании с использованием Интернета остается не разрешенным в полном объеме конфликт двух общепризнанных принципов организации выборов — обеспечение тайны голосования и подконтрольность процесса учета голоса, обеспечивающего реализацию принципа подлинности выборов.

Вопросы дальнейшего совершенствования избирательного законодательства сообразно задачам цифровизации избирательного процесса, в том числе активного внедрения дистанционного электронного голосования, безусловно, требует дальнейшего научного осмысления и практической апробации.

Дистанционное электронное голосование, несомненно, имеет ряд неоспоримых преимуществ: это наиболее удобный и простой способ реализации избирательных прав; минимизируется время, затраченное на волеизъявление; увеличивается число участников выборов, что более точно отражает предпочтения избирательного корпуса; в определенной степени решается проблема абсентеизма, присущая молодым избирателям; решаются проблемы голосования избирателей, находящихся за пределами избирательного округа; предоставляется возможность голосовать избирателям из труднодоступных и удаленных районов; минимизируются финансовые расходы; обеспечивается дополнительная возможность участия в выборах людям с ограниченными физическими возможностями; минимизируются ошибки, связанные с «человеческим фактором».

Одновременно дистанционное электронное голосование не избавлено от ряда проблем, которые еще предстоит решить. Так необходимо обеспечить: полную гарантию устойчивости системы от взлома и подконтрольности достоверности учета итогового результата; реализацию всеобъемлющего общественного контроля за цифровыми технологиями; обеспечение равного доступа к дистанционному электронному голосованию всех участников избирательного процесса; разрешение вопросов распространения достоверной информации; полное блокирование внешнего вмешательства и тому подобное.

Очевидные, а также потенциальные плюсы и преимущества дистанционного электронного голосования перевешивают возможные минусы и риски его активного применения. Представляется особо важным усиливать этот положительный баланс, продумывая и внедряя новые правовые и организационные подходы, позволяющие максимально гарантировать избирательные права граждан.

Цифровая индустрия, активно ворвавшаяся в электоральные процессы, смягчила последствия пандемии, а онлайн-сервисы спасли не одну тысячу человеческих жизней в период реализации избирательных прав граждан. Показатели участия избирателей в дистанционном электронном голосовании весьма однозначно свидетельствуют, что новый способ волеизъявления в онлайн-формате был воспринят гражданами с высокой заинтересованностью, его востребованность очевидна.

Механизмы электронной демократии, которые сегодня имеют достаточно размытые контуры, должны развиваться в рамках конкретных правовых институтов, процедур и правовых конструкций, закрепляться в конкретных нормативных правовых актах о выборах и референдумах, иных конституционно-правовых актах, актах смежных отраслей права.

Перед национальным законодателем стоит серьезная задача своевременного и достаточного нормотворческого реагирования на появляющиеся новые реалии, диктуемые объективными процессами развития и усложнения цифровой и информационной среды, научно-техническим прогрессом в целом. Как уже отмечалось, «цифровизация и развитие информационных технологий становятся не только стимулами дальнейшего социально-экономического развития и научно-технического прогресса, но и определенными вызовами таким довольно консервативным социальным институтам, как государство и право. Уже сегодня уровень развития технологий выше, чем условная «степень эластичности» правового регулирования и способность подстраиваться под него» [31, с. 46].

Следует отметить также еще один заставляющий с собой считаться тренд развития современных технологий, устройств, программных продуктов — их ориентированность на максимальное удобство для пользователей. Современные механизмы политического участия граждан в управлении делами государства и местном самоуправлении должны быть понятны и удобны

для граждан, тогда можно ожидать повышения их заинтересованности и активной вовлеченности в соответствующие процессы.

Важнейшей задачей является повышение уровня доверия людей к этим технологиям. Для этого необходимо, чтобы граждане реально понимали, что в рамках соответствующих технологий, включая дистанционное электронное голосование, максимально обеспечена реализация их избирательных прав, что соответствующие правовые и практические механизмы надежно встроены в общую действенную систему гарантий избирательных прав.

В дополнение к традиционному взаимодействию в рамках схемы «избиратель — организатор выборов — кандидаты — наблюдатели» особое значение при дистанционном электронном голосовании обретает специфический субъект — технические специалисты, обеспечивающие работу программно-технических комплексов и специального программного обеспечения, которые необходимы для дистанционного электронного голосования.

Анализ международных документов в сфере международных обязательств государств по организации электронного голосования свидетельствует, что определенная нормативная база в этой сфере уже наработана и продолжает развиваться, но с существенным отставанием от практики.

Современное состояние международно-правовой базы характеризуется тем, что как юридически обязательные документы, так и документы политического характера содержат лишь общие положения, непосредственно затрагивающие электронное голосование, а также общие принципы и стандарты демократических выборов. Это объясняется, в частности, тем, что формирование основной массы этих документов происходило до распространения технологий электронного голосования, в период, когда разработка его международных стандартов была невозможна.

Анализ существующих актов и документов показывает, что в процессе развития электронного голосования и иных новых технологий голосования, необходимо учитывать имеющиеся стандарты, применяемые к традиционным механическим системам голосования, в основе которых лежит общий принципиальный подход международных организаций (их органов), работающих в области выборов.

Следовательно, необходимо и соблюдение соответствия ранее принятым обязательствам государств в сфере демократических выборов и ранее выработанным международным избирательным стандартам, включая общепризнанные принципы организации выборов. При этом указанные организации обращают особое внимание на наиболее уязвимые при организации электронного голосования принципы, в первую очередь, принципы тайного голосования, достоверности результатов голосования, открытых и гласных выборов.

Международные документы, детально рассматривающие проблемы электронного голосования, в настоящее время носят рекомендательный характер, разработаны в основном экспертными органами при междуна-

родных организациях и вряд ли могут в силу достаточно стремительного развития систем электронного голосования быть признаны окончательно сформировавшимися.

Использование электронного голосования — это международная практика, применяемая при принятии решений, в том числе на выборах, в разных странах мира (США, Франция (праймериз), Швейцария, Австралия, Канада и так далее). Например, в Эстонии более 43% граждан голосуют на выборах при помощи Интернета. А в Швейцарии, судя по опросам, введение интернет-голосования на выборах всех уровней поддерживает более 70% населения, хотя в 2019 году появилось движение за отмену электронного голосования из соображений безопасности [32]. По состоянию на 2019 год в Швейцарии используются две системы электронного голосования. Система CHVote из Женевы используется в кантонах Во, Берн, Люцерн, Базель, Санкт-Галлен и Ааргау. Кантоны Невшатель, Фрибур и Тургау уже перешли на Poste E-Votin, систему электронного голосования, предложенную «Почтой Швейцарии».

Формирование системы специализированных международных избирательных стандартов в сфере электронного голосования, и участия граждан в политических процессах, в целом, вряд ли будет быстрым по времени, оно может существенно отставать от развития национального законодательства и формирования практики в различных государствах мира.

На первом этапе стоит ожидать достаточно «мягкого» подхода международных организаций и их специализированных органов к формированию международных стандартов в сфере электронного голосования, поскольку, очевидно, что развитие таких форм голосования и их закрепление в национальном законодательстве в разных государствах мира будет идти с разной скоростью и при различающихся подходах национальных законодателей к регулированию вопросов электронного голосования, в том числе в части его принципиальной допустимости на национальных выборах.

Российская Федерация, активно внедряющая цифровые технологии в общественную жизнь, могла бы, опираясь, например, на существующую практику модельного законотворчества Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, выступить инициатором разработки специализированных международных актов.

Масштабное внедрение электронного дистанционного голосования может поставить перед государством и обществом вопрос о новом понимании некоторых кажущихся незыблемыми принципов демократических выборов: в первую очередь, принципов тайного голосования, обеспечения достоверного учета волеизъявления избирателя, открытости и гласности выборов.

В этой связи необходимо определить приоритетность этих принципов и их реализацию при электронном голосовании, а также установить допустимые отступления от традиционных подходов, обусловленные необходимостью реализации приоритетов, по крайней мере — на начальном этапе.

Также необходимо реализовать масштабную программу по информированию избирателей и участников избирательного процесса о дистанционном электронном голосовании, порядке его реализации и гарантиях соблюдения принципов демократических выборов, разработать и внедрить эффективную систему общественного контроля за дистанционным электронным голосованием, предполагающую не только визуальное наблюдение за процессом, но и участие технических специалистов в процедурах тестирования программного обеспечения и иных мероприятиях, позволяющих обеспечить общественное доверие к системе дистанционного электронного голосования.

Позитивный опыт и очевидная заинтересованность избирателей в развитии цифровых технологий голосования показывают, что у дистанционного электронного голосования и у других форм цифрового политического участия, несомненно, есть будущее, их ждет активное развитие, в том числе с учетом анализа наработанной практики, и дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы, подкрепленной международными актами.

Пандемия, обрушившаяся на нас в 2020 году, придала сильный толчок развитию дистанционных процедур, в том числе и в электорально-политической сфере. Человечество, минимизируя риски заражения, потратило колоссальные ресурсы на автоматизацию и цифровизацию жизни общества, мир уже никогда не будет прежним — цифровые технологии стали частью жизни нашего социума, а доцифровая эпоха политических процессов завершается.

Само по себе развитие неизбежно. Вопрос лишь в том, как мы к нему адаптируемся. Если общество недостаточно быстро приспособится к изменениям, его ждет коллапс. Но и слишком быстрое приспособление превращается в регресс: общество начинает терять то хорошее, что у него было до того, как начались перемены [33]. Правоотношения в социуме столкнулись с новыми вызовами, когда цифровые гиганты начали использовать методы цензуры, подавления через страх и наказания в виде блокирования доступа к информации и цифровым сервисам⁵.

Первоочередная задача законодателей и профильных международных организаций на современном этапе завершения доцифровой эпохи в политике — включиться в выработку правил политической жизни общества в цифровой среде, обеспечив не только сохранность полного объема прав и свобод граждан, но и безопасность новых технологий.

⁵ Подобным «санкциям» за рамками установленных норм и правил был подвергнут проигравший на выборах 3 ноября 2020 года президент США Дональд Трамп: еще действующему президенту отключили большинство социальных сетей (Twitter и прочее), PayPal отказалась осуществлять переводы сторонников Трампа; Amazon, Apple и Google блокировали другие сервисы на своих платформах и дата-центрах, где могли поддерживать Трампа.

Список литературы

1. Гомар Т. COVID-19, или конец эпохи цифровой невинности [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovojnepivnosti (дата обращения: 11.01.2021).
2. Strittmatter K. Dictature 2.0. Quand la Chine surveille son peuple (et demain le monde), Paris, Tallandier, 2020, p. 18.
3. Абрамова Д.С. Электронная демократия в России: проблемы политической коммуникации [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 1. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/01/2145> (дата обращения: 10.01.2021).
4. Лукьянов Ф. Дело Трампа продолжают его враги [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/4639577> (дата обращения: 11.01.2021).
5. Лосев А. Изменились ли горожане внутренне? Цифровые итоги – 2020 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/izmenilis-li-gorozhane-czifra-2020/> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 07.02.2008 № Пр-212 // Российская газета. 16 февраля 2008. N 34.
7. Курячая М.М. Электронное правосудие как необходимый элемент электронной демократии в современной России // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 7. С. 52.
8. Борисов И.Б. На пути к электронной демократии. Цифровые технологии в системе демократического воспроизводства властных институтов // Избирательное законодательство и практика. № 3. 2019. С. 9.
9. Колозариди П., Муравьев Д. Интернет после глобальности [Электронный ресурс] // Режим доступа: www.globalaffairs.ru/articles/internet-posleglobalnosti (дата обращения: 10.12.2020).
10. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: электронное голосование / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: Российский общественный институт избирательного права, 2020. С. 218.
11. Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44–58.
12. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
13. Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
14. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: ИЗИСП: Норма: ИНФРА-М, 2020.
15. Авакьян С.А. Конституционное право России: Учебный курс. 2-е изд., перераб. и доп. В 2-х т. Т. 1. М.: Юристъ, 2007.

16. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014.
17. Борисов И.Б., Головин А.Г., Игнатов А.В. Выборы в мире: особенности референдумного процесса. Практика и электоральные технологии / под общ. ред. И.Б. Борисова. М.: РОИИП, 2018. С. 278.
18. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М.: Проспект, 2014. С. 190–191.
19. Головина А.А. Правоприменение в фокусе становления электронного государства: вызовы «новой реальности» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 4. С. 191–194 (в соавт. с Н.Н. Черногором, Ю.Н. Кашеваровой, А.А. Стратюк).
20. Головина А.А. Электронное голосование и трансформация права в современную цифровую эпоху // Избирательное законодательство и практика. 2019. № 2. С. 19–22.
21. Головин А.Г., Головина А.А. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3. С. 44–58.
22. Антонов Я.В., Овчинников В.А. Некоторые аспекты обеспечения конституционного соответствия электронного голосования как части электронной демократии // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 1. С. 40–44.
23. Антонов Я.В., Овчинников В.А. Многомерность и многоаспектность электронного голосования в системе электронной демократии в контексте обеспечения целостного правового регулирования в области электронной демократии в России // Юридический мир. 2014. № 9 (213). С. 42–46.
24. Казьмина Е.А. Общественное обсуждение проектов нормативных правовых актов в контексте развития электронной демократии // Академический юридический журнал. 2016. № 1 (63). С. 10–14.
25. Калашникова В.Б. Электронная демократия в России: утопия или прогрессивная реальность // Проблемы организации органов государственной власти и местного самоуправления: история, теория, практика и перспективы: сборник научных трудов. Иркутск, 2014. С. 150–157.
26. Курячая М.М. Электронное голосование как этап развития непосредственной демократии // Конституционное и муниципальное право. № 11. 2017. С. 31–35.
27. Зегарт Э. Разведка больше не инструмент одних лишь государств — Россия в глобальной политике [Электронный ресурс] // Электронный журнал «Россия в глобальной политике». Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/articles/razvedka-ne-instrument> (дата обращения: 20.11.2020).
28. Садекова Г.У., Токарева Е.А. Перспективы развития электронного голосования: совершенствование законодательства в условиях сближения международного и внутригосударственного права // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 4. С. 28–32.
29. Головина А.А. Новации механизмов правореализации в современном электоральном процессе в условиях развития цифровых технологий: тенденции и новые горизонты // Избирательное законодательство и практика. № 4. 2020.

30. Борисов И., Журавлев В. Модернизация избирательного процесса в мире. М.: АНО ЦСПИ «Аспект», 2011. С. 20.
31. Головина А.А., Головин А.Г. Язык и стиль избирательного законодательства в современную информационную эпоху: горизонты развития // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 3(13). С. 46.
32. Малькевич А.А. Опыт общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием // Вестник ЦИК России. 2020. № 8.
33. Носырев И. Патология нашего времени — потеря контакта с реальностью (интервью с Нассимом Николасом Талебом) (по материалам РБК) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://bbi.report/158-patologiya-nashego-vremeni-poterya-kontakta-s-realnostyu> (дата обращения: 30.12.2020).